

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

СЛАВЯНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ
И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМЫ
В КОНТАКТЕ С НЕСЛАВЯНСКИМ
ОКРУЖЕНИЕМ

Специальный выпуск
Т. М. Яковлева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

СЛАВЯНСКАЯ ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМЫ В КОНТАКТЕ С НЕСЛАВЯНСКИМ ОКРУЖЕНИЕМ

Ответственный редактор

Т. М. Николаева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2002

ББК 81.2Рус-03
С 47

Исследования выполнены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 97-06/180

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-04-16148

С 47

Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением / Отв. ред. Т. М. Николаева. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 560 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

ISBN 5-94457-040-7

В книге рассматривается взаимодействие на разных уровнях славянской языковой и этноязыковой систем с другими языковыми группами: тюркской, финно-угорской, иранской, балтийской, германской. Выявляются древние изоглоссы, появившиеся как следствие развития генетически единых процессов, а также возникшие в результате типологических процессов, происходящих в ситуации ареальной сближенности. Описываются механизмы адаптации заимствований в условиях языкового контакта. Ряд исследований посвящен типологическим проблемам. Оригинальные сообщения и наблюдения комбинируются со специально написанными для этого издания обзорами.

Книга адресована лингвистам, интересующимся историей основных групп языков мира, теорией конвергентных процессов в условиях билингвизма, а также общей контактологией.

81.2Рус-03

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-040-7

9 785944 570406 >

© Авторы, 2002

© Институт славяноведения РАН, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....	7
Вяч. Вс. Иванов. Введение.....	11

I

Вяч. Вс. Иванов. Славяно-арийские (= индоиранские) лексические контакты.....	17
Вяч. Вс. Иванов. Еще о славяно-тохарских изоглоссах.....	52
Вяч. Вс. Иванов. Ранние коптские заимствования в славянском.....	55
Д. И. Эдельман. К происхождению иранско-славянских диахронических параллелей.....	61
Вяч. Вс. Иванов. Поздне(вульгарно-)латинские и романские заимствования в славянском.....	104
С. А. Бурлак, А. С. Мельников, А. В. Циммерлинг. Параллели между славянскими и германскими языками: индоевропейское наследие и типологическое сходство.....	112
Ф. Б. Успенский. Византия и Русь в древнескандинавской перспективе (на материале языковых данных).....	185

II

Р. Бенаккьо. Славяно-романские контакты в словенских говорах Фриули.....	263
И. А. Седакова. Болгарский язык в неславянском окружении: лингвистическая литература по лексикологии.....	301
А. Ф. Литвина. Аренга: судьба латинской формулы в восточнославянских документах.....	315
Т. Н. Молошина. Система артиклей в славянских и скандинавских языках. Сопоставительно-типологический аспект.....	352
Т. М. Николаева. Степень стабильности просодических моделей (финско-русские корреляции).....	386
А. Е. Павленко. Пример лексического параллелизма в языках разных систем (русское <i>ящик</i> — диалектное шотландское <i>laʃəkʲ</i>).....	418
Н. Н. Запольская. Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа).....	422
М. А. Осипова. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование.....	448
Т. В. Цивьян. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира.....	465
И. Беккер. Взгляд извне.....	476

III

<i>И. А. Седакова.</i> К проблеме заимствований в балканославянских языковых и этнокультурных системах	483
<i>Т. Н. Свешникова.</i> Восточнороманский мир в контакте со славянами	511
<i>М. В. Завьялова.</i> Проблема возможных взаимовлияний литовских и славянских заговоров на балто-славянских пограничных территориях	526
<i>Е. В. Вельмезова.</i> Заметка по славянской демонологии: о немецких названиях демонов в чешских фольклорных текстах.....	549

ОТ РЕДАКТОРА

Первоначальный замысел предлагаемой читателю книги был довольно прост. Предполагалось исследовать — по возможности, единообразно — две проблемы: 1) на каком языковом уровне обнаруживается большая проницаемость и тем самым в большей степени прогнозируемой оказывается интерференция языковых структур; 2) можно ли разделить языки в контакте на языки слабого и языки сильного воздействия. Именно так начинала работу группа сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (при финансовой поддержке РГНФ, № гранта 97-06/180).

При более внимательном подходе к материалу тематика и проблематика исследования стала стремительно расширяться. Оказалось необходимым расширить славянскую контактологию в плане диахронии, с одной стороны, и обратиться к функциональной стороне заимствований — с другой. Как ни странно, недостаточность собственно языкового охвата, а именно — привлечены не все славянские языки и не все известные славянам как в синхронии, так и в диахронии языки контакта — не кажется трагической лакуной. Гораздо более значительным для языковеда оказался тот факт, что материал, привлекаемый авторами, неизбежным образом диктовал и тематику, и проблематику, и методику лингвистического подхода. Как кажется, вообще остается неясным, с чем же мы имеем дело: с непреодолимой логикой самого материала, который ведет ученого за собой, или с давно определившейся и несгибаемой традицией лингвистики — в подходе к подобному материалу.

Говоря проще, очевидно, что проблемы языковой контактологии при обращении к диахронии и синхронии принципиально различаются. Специфическими они оказались и при анализе этноязыковых систем — в отличие от систем собственно языковых. Эти различия и определили разбиение всего состава нашего тематического сборника на три части, внутренняя связанность которых ясна и без специального их обозначения. Внутри каждой из частей соблюдена некая динамическая композиция, о которой будет сказано ниже.

Итак, очевидно, что древность контактов предлагает нам прежде всего *лексику*. При этом необходимо доказать (верифицировать) и язык заимствования, и саму лексему. Весь огромный накопленный аппарат компаративистики (и просто древней истории) этому служит. В первой части книги об этом мы читаем в четырех разделах Вяч. Вс. Иванова, в начале совместной статьи С. Бурлак, А. Мельникова, А. Циммерлинга. Видно, что практически не всегда и возможно для древнего состояния поставить вопрос о том, почему заимствовались именно эти лексемы, и какой стала их функция в языке контакта. То, как может помочь при этом история, демонстрируется в работе Ф. Успенского, где привлекается огромный массив текстов для объяснения того, почему в Скандинавии объединялись и смешивались на лексическом (и денотативном) уровне *греческий* и *русский*.

Совершенно другие проблемы встают при изучении фактов совпадения/несовпадения *грамматических систем* в их диахронической перспективе. Неизбежным образом этот путь ведет к типологии в ее отношении к универсалиям диахронии. Так, во второй части совместной статьи С. Бурлак, А. Мельникова и А. Циммерлинга и в объемной работе Д. Эдельман обнаруживается много метатеоретических совпадений, хотя языковые системы рассматриваются разные. Действительно, с чем мы имеем дело при совпадении грамматической эволюции — с взаимовлиянием? с типологической конвергенцией? с языковой универсалией? И как, выбрав одно решение, мы можем это доказать?

Вторая часть книги посвящена языковым контактам более позднего периода и построена по двум основаниям — а) от более общего к более частному и б) от группы языков — к одному языку. При этом встают уже иные вопросы, так как сами заимствования становятся все более очевидными и верификации требуют все меньше. Зато более актуальны функциональные проблемы, когда важно понять, какие именно компоненты заимствуются и почему. Так, в области лексических заимствований мы имеем дело с ситуациями: когда в исходном языке подобного понятия нет и оно становится единственным, когда новое слово и старое распределяют между собой семантическое поле, когда новое и старое сосуществуют в разных языковых сферах, когда новое и старое образуют некий единый концепт-терм, подобно двуликтому Янусу, обращенный к языкам контакта (см. об этом в статьях И. Седаковой, А. Литвиной, А. Павленко). По-прежнему, как и в диахронической коллизии, сложными для решения остаются вопросы грамматики — на грани взаимовлияния, конвергенции и типологии систем. Об этих проблемах можно прочесть в работах Р. Бенакьо, с современных позиций пересмотревшей ранний подход к словенской Резии И. А. Бодуэна де Куртенэ, и Т. Молошной, осветившей не совсем ясные для интерпретации схождения артиклеобразных систем языков Славии и Скандинавии. Наконец, современный инструментальный анализ да-

ет возможность увидеть интерференцию на уровне просодической системы, обратившись к словосочетанию с разным акцентным и разным частеречным наполнением (работа Т. Николаевой).

Приближение к современности диктует и введение в анализ социально-стилевой аспект языкового функционирования. Так, латинские формулы должны были обеспечить начало делопроизводства в России (А. Литвина), социальный заказ Петровской эпохи определял нужды перевода и уровень перевода и — соответственно — уровень подготовки языковой индивидуальности — Личности (статья Н. Запольской).

Уже по-другому могут быть поставлены вопросы контактологии для самого последнего времени. Вопрос о верификации источника заимствования, основной для диахронического исследования, для современности очевиден. На первый план начинает выходить лингвосоциология: так (как показывает «полевое» исследование М. Осиповой) употребление — неупотребление макаронической лексики в языке иммигрантов во многом обусловлено референтной группой общения. Еще больше широта социального подхода представлена в небольшой по объему статье Т. Цивьян: по ее мнению, русское речевое общение в последние годы медленно, но верно дрейфует от языковой ксенофобии к готовности к межязыковому контакту (об этом же — «извне» — пишет и И. Беккер).

По сути новую страницу в контактологии открывает и изучение этноязыковых контактов. Метатеоретической трудностью здесь является пока полная неопределенность в дискретизации плана содержания фольклорных текстов. Поэтому достаточно смелыми и новыми являются попытки М. Завьяловой выявить для заговорных текстов на балто-славянском пограничье те ситуации, когда мы можем для одних текстов говорить о славянском влиянии, а в других — о балтийском.

В трех статьях сборника, рассматривающих разный по контактологии материал, говорится об «иноязычном» слове-именовании демонов, нечистой силы в славянском и восточнороманском мире. И. Седакова подчеркивает, что страшные существа балканского мира именуется через турцизмы и грецизмы: табуируется через «чужое» слово нечто, приносящее вред. Точно так же в статье Т. Свешниковой важен именно функциональный аспект широкого проникновения иноязычного именования демонических существ уже в восточнороманский мир. Примыкает к этому циклу и статья Е. Вельмезовой: рассматривая «действенность» заговора и воздействия на «нечистую силу», она обнаруживает в чешских текстах большую возможность спасения от демона при немецком его именовании и большую неотвратимость опасности — при чешской его номинации. Создается впечатление, по этим работам, что контактология этноязычных систем по своим проблемам и сфере нерешенных и

важных вопросов приближается именно к диахроническому аспекту взаимовлияний.

Сборник этот (или полукolleктивная монография) готовился довольно долго. Между тем число контактологических работ растет в мировой лингвистике стремительно. Надеемся, что мы еще успели сказать о контактах славян хоть что-нибудь новое.

Т. М. Николаева

ВВЕДЕНИЕ

Проблема соотношения славянских языков и культурных традиций с неславянскими предстает с нескольких сторон, каждая из которых изучается в отдельных статьях настоящего сборника.

Прежде всего к подобному сопоставлению можно подходить типологически, рассматривая каждую из сравниваемых систем или их фрагментов (например, славянские и иранские фонологические и морфологические структуры) на более широком фоне языковых и этнологических универсалий, проявляющихся в их функционировании и в их истории. Но такое типологическое сопоставление переплетается со сравнительно-историческим в случае генетически связанных или диахронически друг с другом взаимодействовавших систем. Помимо генетического родства для современной науки все более важными становятся случаи вторично образовавшихся сходств благодаря возникновению языковых союзов и взаимовлиянию субстратных и адстратных языков, которые могли быть как изначально неродственными, так и отдаленно (как ностратические — индоевропейские и финно-угорские или тюркские) или близко (как те же иранские и славянские) родственными. Поясню сложность выделения разных уровней взаимодействия и их результатов на примере раннеславянского дуализма мифологических представлений и их языкового выражения. В свете исследований таких крупных этнологов минувшего (XX) века, как А. М. Золотарев и А. Хокарт, можно полагать, что дуалистическая социальная структура и сопутствовавшая ей бинарная символическая классификация (типологически сходная с принципами фонологических систем по Р. Якобсону) являются универсалиями (в конечном счете соотносимыми с ролью симметрии, выявляемой в науке о человеке, как и в естественных науках). Но в той конкретной дуалистической символике, которая отчетливо обнаруживается в раннеславянских традициях, перекрещивается достаточно архаическое индоевропейское наследие с усиливавшим его бинарные семиотические черты влиянием позднейшего иранского дуализма (воспринятого славянами скорее всего в его митраистическом варианте) вместе с ареальным воздействием контактировавших со славянами евразийских дуалистических культур (в частности, шаманистских, с противопоставлением белого и черного шаманства).

В последних случаях на первый план выступают факторы времени и пространства. С точки зрения относительной хронологии наиболее ранние контакты праславянского (возможно еще в пределах более широкой балто-славянской общности задолго до его окончательного выделения из нее) осуществлялись главным образом внутри индоевропейского диалектного континуума. Но уже ко времени ранее середины III тысячелетия до н. э. следует отнести отдельные исключительные изоглоссы, объединяющие праславянский как индоевропейский (в другой терминологии «индо-хеттский») диалект с северно- (или восточно-) анатолийским (хеттским), с одной стороны, и балто-славянский как группу диалектов с южно- (или западно-) анатолийским (лувийским) — с другой стороны (в последнюю группу по некоторым признакам входил и пратохарский). Следовательно, история праславянского начинается еще до выделения хеттского, а также лувийского и позднее тохарского из этого индоевропейского континуума и насчитывает уже несколько тысяч лет. Хотя ранние этапы его эволюции пока еще с трудом восстанавливаются, некоторые опорные точки дают именно обнаруживающиеся следы взаимодействия праславянского с такими восточноиндоевропейскими диалектами, как индоиранские, и черты, сближающие балто-славянский с германским (эта идея, восходящая к Шлейхеру, подтвердилась лексикологическими разысканиями Станга и лексикостатистическими вычислениями группы Дайена) и другими западноиндоевропейскими (или древнеевропейскими) диалектами. Рано начавшиеся контакты с такими ностратическими соседями балто-славянских и германских языков, как финно-угорские, не только важны для истории этих последних, но и могут помочь выяснению деталей древнего фонетического развития праславянского в пору его наибольшей близости к только еще начинавшимся от него отличаться другими балто-славянскими диалектами (которые частично исчезли, сохранившись лишь в некоторых заимствованных из них формах живых языков).

Взаимодействие славянских языков и культур как с их неиндоевропейскими (прежде всего финно-угорскими и тюркскими, но и с другими евразийскими) соседями, так и с иранскими и западноиндоевропейскими языками и культурными традициями длилось и после разделения славянской общности и продолжается до настоящего времени. Такие основоположники современных исследований контакта и смешения (или гибридизации и пиджинизации) языков, как Шухардт и Бодуэн де Куртенэ, недаром получили один из главных стимулов для своих теоретических открытий в этой области из наблюдений за взаимодействием современных романских и славянских языков на границе Италии и Словении. Не менее увлекательны (хотя иногда и драматичны, если не трагичны) и проблемы, связанные с многочисленными циклами влияния и противоборства западнославянских и восточнославянских языков с герман-

скими. Процессы дифференциации и интеграции не только балтийских и славянских, но и некоторых других языков, входивших в евразийский языковой союз, на протяжении нескольких столетий с особой интенсивностью осуществлялись на территории многоязыкового и многокультурного Великого княжества Литовского. История главного его официального письменного языка — «простого», или «рутенского» — показательна и для оценки того, насколько сложны отношения между языком, пользующейся им этнической группой и ее самосознанием. Например, та этническая группа, которая сохраняется теперь на территории Польши под (соответствующим ее этническому самосознанию) названием «польских татар», на протяжении нескольких веков (по-видимому, начиная с XVI в.) пользовалась «простым» языком, записывая тексты на нем, а потом на других славянских языках, которыми ее члены стали пользоваться — белорусском и польском, — арабским письмом (религией этой группы был и остается ислам). В этом отношении группа «польских татар», первоначально говорившая (до перехода на славянские языки) на тюркском кыпчакском (половецком) языке, отлична от двух других восходящих к половцам этнических групп Великого княжества Литовского и Польши — караимов (чей тюркский язык использовал древнееврейское письмо в соответствии с иудейской религией караимов) и татар-«армян», писавших на своем тюркском языке армянским письмом.

Проблема «своего» и «чужого», отношения между своей и «чужой», или «другой», культурой выдвинулись на первый план в современной гуманитарной науке и в философской антропологии и этике, где вслед за Когеном, Бубером и Бахтиным связь Я и Ты (Ближнего, Другого) стала главным предметом теоретических раздумий и практических забот. Целью настоящей книги было привлечение внимания славистов к этой важнейшей области занятий.

